

УДК 811

doi: 10.18101/1994-0866-2016-5-78-85

**СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛЕКСЕМЫ *ВИДНО*
(на материале национального корпуса русского языка)**

© *Омельченко Лилия Николаевна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: pokrovskaya41@mail.ru

Статья посвящена проблеме функциональной омонимии, которая изучается на основе семантико-функционального подхода. Рассмотрен омокомплекс *видно*, включающий имя прилагательное, категорию состояния, модальное слово. Эти функциональные омонимы различаются категориальным значением, синтаксической функцией, синтагматическими особенностями, а также семантическими функциями. Автор утверждает, что прилагательное и категория состояния *видно* определяют говорящего как субъекта сенсорного восприятия (наблюдателя) и выражают семантику достоверности, а модальное слово *видно* обозначает говорящего как субъекта сознания и выражает семантику сомнения. Анализ членов омокомплекса позволяет обратить внимание на семантическую и функциональную стороны сопоставляемых языковых единиц. К анализу привлекались материалы Национального корпуса русского языка, данные которого свидетельствуют о достаточно высокой степени употребительности *видно* в русской речи.

Ключевые слова: функциональные омонимы, омокомплекс, семантика достоверности, семантика сомнения, Национальный корпус русского языка.

Проблема омонимии не теряет актуальности в современной русистике. Омонимы, относящиеся к разным частям речи, В. В. Виноградов определял как грамматическое явление. Понятие «функциональные омонимы» было впервые введено О. С. Ахмановой [3, с. 160]. В. В. Бабайцева, уточняя это понятие, дает ему следующее определение, утвердившееся в литературе: «Это этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к разным частям речи. В большинстве случаев функциональные омонимы близки по значению» [4, с. 194]. Критериями разграничения функциональных омонимов являются синтаксическая функция в предложении, категориальное значение, сочетание с другими словами и семантика. Классификация частей речи по принципу «синтаксическая функция», как известно, составляет характерную черту отечественной лингвистики. Функциональные омонимы изучаются в семантическом, коммуникативном, прагматическом, стилистическом аспектах; группу функциональных омонимов принято называть термином «омокомплекс» [4, с. 198; 6, с. 6; 9, с. 3; 10, с. 35; 12, с. 3].

Нами предпринята попытка функционально-семантического анализа одного из омокомплексов, сформировавшихся в русском языке. В качестве

материала наблюдений привлекались текстовые фрагменты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), который насчитывал в момент обращения более 600 млн слов [11]. В. А. Плунгян, рассуждая о смене теоретических приоритетов лингвистики, о переходе от «системы» к «узусу», пишет: «Как кажется, по крайней мере полезнее вначале описать способы выражения тех смыслов, которые для данного языкового коллектива являются приоритетными, — то есть те, которые легко найти в корпусе данного языка» [14, с. 16–17].

Обращение к материалам НКРЯ дает возможность, в частности, исследовать контексты русской речи, включающие слово *видно*, распознать в этом слове несколько функциональных омонимов, определив их грамматическую и семантическую специфику. Поиск по основному подкорпусу показал, что имеется 11 273 документа со словом *видно* и 49 867 вхождений; эти данные свидетельствуют о достаточно высокой степени употребительности анализируемого слова в русской речи.

Многоаспектный анализ текстовых примеров, извлеченных методом частичной выборки из НКРЯ, показал, что словоформа *видно* представляет собой омокомплекс, включающий три функциональных омонима: имя прилагательное, категорию состояния, модальное слово. Рассмотрим семантические функции указанных омонимов, связанные с их грамматической характеристикой. Различия в категориальных признаках и семантических функциях анализируемых омонимов проявляются при их использовании в речи, в тексте.

Как краткое прилагательное *видно* выполняет синтаксическую функцию именной части составного сказуемого в двусоставном предложении и обозначает предикативный признак предмета речи, названного подлежащим: *Море видно*. В роли подлежащего в таких предложениях должно выступать только существительное в форме ед. ч. ср. р., препозиция существительного усиливает его функцию подлежащего. По данным НКРЯ, краткое прилагательное *видно* используется в речи довольно редко, что связано с указанными синтагматическими особенностями. Проанализируем некоторые примеры, извлеченные из основного подкорпуса НКРЯ: «*Ветеринарный врач Иван Иванович и учитель гимназии Буркин уже утомились идти, и поле представлялось им бесконечным. Далеко впереди еле были видны ветряные мельницы села Мироносицкого, справа тянулся и потом исчезал далеко за селом ряд холмов, и оба они знали, что это берег реки, там дуга, зеленые ивы, усадьбы, и если стать на один из холмов, то оттуда видно такое же громадное поле, телеграф и поезд, который издали похож на ползущую гусеницу, а в ясную погоду оттуда бывает виден даже город*» (А. Чехов. Крыжовник).

Критерием определения частеречной принадлежности словоформ *видны*, *видно*, *виден* в данном фрагменте служит их грамматическая форма: *видны* — бесспорно, краткое прилагательное мн. ч. в функции сказуемого двусоставного предложения, которое согласуется с подлежащим (не дополнением!) *ветряные мельницы*; *виден* — краткое прилагательное м. р. в со-

ставе двусоставного предложения с подлежащим *город*. Именно сочетание указанных словоформ в пределах одного сложного предложения дает основание сделать вывод, что в данном контексте омоним *видно* — это краткое прилагательное ср. р. в функции именного сказуемого двусоставного предложения, в котором подлежащее выражено существительным в им. пад. *поле*.

Семантическая функция прилагательного *видно* связана с его лексическим значением, включающим сему «доступно зрению», которая предполагает говорящего в роли наблюдателя в ситуации сенсорного восприятия (ср.: *я вижу поле*). В анализируемом фрагменте наблюдатели обозначены в интродуктивном предложении: это ветеринарный врач Иван Иванович и учитель гимназии Буркин; описание сельского пейзажа дано автором в восприятии этих героев. Заметим, вслед за Е. В. Падучевой, что акт наблюдения предполагает физическое положение говорящего в пространстве [13, с. 262]; в данном случае — «*видно громадное поле*», если наблюдатель находится в определенном месте — на одном из холмов.

Прилагательное *видно* реализует значение сенсорного восприятия, выступая одним из основных средств выражения семантики достоверности, наряду с компонентом *слышно*, например: «*Мы с Таней упросили ее отца, который тоже был участником концерта, разрешить нам остаться за органом, где все было слышно и даже чуть видно в щелку*» (С. Пилявская. Грустная книга).

Итак, семантическая функция прилагательного *видно* в художественном тексте, как и в канонической речевой ситуации, заключается в том, чтобы имплицитно обозначить говорящего как субъекта восприятия, т. е. в роли наблюдателя.

Словоформа *видно* может выполнять синтаксическую функцию главного члена односоставного безличного предложения; именно в этой функции словоформа *видно* наиболее частотно представлена в НКРЯ. В категориальном плане эта словоформа квалифицируется, вслед за Л. В. Щербой, как категория состояния. В современной литературе, как известно, продолжается дискуссия о наименовании класса слов на — *о*, имеющего общекатегориальную семантику состояния: категория состояния (Л. В. Щерба, Е. М. Галкина-Федорук, В. В. Виноградов, И. Г. Милославский и др.), безлично-предикативные слова (Н. С. Поспелов), предикатив (А. В. Исаченко, П. А. Лекант, А. А. Зализняк и др.), имена состояния (В. В. Бабайцева, И. В. Высоцкая, М. В. Милованова и др.). В. В. Виноградов определял категорию состояния «как новую для русского языка, но очень активно развивающуюся часть речи» [8, с. 339].

Для дифференциации омонимичных форм прилагательного и категории состояния, наряду с собственно морфологическими признаками, имеют значение валентностные особенности. В функции главного члена безличного предложения слово категории состояния *видно* может управлять дополнением в вин. пад. с объектной семантикой, например: «*Марфеньку всегда*

слышно и видно в доме. Она то смеется, то говорит громко» (И. Гончаров. Обрыв). В случае с кратким прилагательным такая валентность невозможна.

Частеречную принадлежность словоформы *видно* как категории состояния можно определить и благодаря однородному ряду дополнений: «(1) *И солнце видно, и дали*, (2) *и воздуху кругом полно*, (3) *в общем, «красота», как Жора говорил*, (4) *а здесь даже дыхание сперло* — (5) *сыро, душно, смрадно*» (В. Кондратьев. Сашка). В этом сложном предложении в предикативной части (1) сочетание с существительным мн. ч. вин. пад. *дали* позволяет квалифицировать *видно* как категорию состояния, а структуру предикативной части — как безличную; по безличным моделям построены и предикативные части (2; 4; 5).

Семантическая функция категории состояния *видно* связана, как и семантическая функция прилагательного *видно*, с фигурой наблюдателя, который в безличном предложении выражается именем в дат. пад. (так называемый дативный субъект), например: «*Через открытую дверь сеновала мне было видно лавочку, а на ней трех человек*» (Ю. Домбровский. Хранитель древностей).

Категория состояния может присутствовать в главной части изъяснительного сложноподчиненного предложения, например: «*В широкое окно без решеток было видно, что солнце переместилось к закату*» (В. Шаламов. Колымские рассказы). Семантика достоверности у категории состояния *видно* связана, как и у прилагательного *видно*, с сенсорным восприятием ситуации субъектом-наблюдателем. В приведенном контексте по косвенным компонентам можно установить пространственное положение наблюдателя в момент ситуации восприятия: он находится внутри хлебозавода и смотрит наружу через окно. Фигура наблюдателя может совпадать с фигурой говорящего, как в приведенном примере В. Шаламова, но это не обязательное условие использования категории состояния *видно*. Так, в следующем контексте роль говорящего принадлежит повествователю, а наблюдателями являются персонажи: «*Они велели карете остановиться у одного дома, где им было видно через открытые окошки, как веселятся гости*» (А. Толстой. Петр Первый).

В НКРЯ представлены контексты, в которых *видно* имеет иное значение — метафорическое, например: «*Из приведенных положений в Законе видно, что производитель продукции должен будет самостоятельно обеспечить соответствие своей продукции требованиям технических регламентов...*» (В. Дьячков. Проблемы управления качеством строительства); «*Даже из этих, лежащих на самой поверхности, фактов видно, что мы располагаем значительным налоговым потенциалом*» (Экономические итоги 2004 года // Дагестанская правда. 2005). В подобных контекстах лексема *видно* имеет абстрактное значение как результат когнитивной метафоры, создающей полисемию; у *видно* на основе первичного значения «можно видеть, воспринимать зрением» развилось вторичное, переносное значение «можно понять, осмыслить», отмеченное толковыми словарями. Это значение регулярно реализуется в конструкции сложноподчиненного предложе-

ния с придаточным изъяснительно-объектным, причем позиция дативного субъекта в главной части, как правило, не замещается. Механизм метафоризации в данном случае связан с интеллектуальной деятельностью человека, который делает умозаключение на основе фактов, а говорит о нем так, как если бы видел материальный объект глазами; метафорическое значение позволяет говорящему усилить степень достоверности его вывода. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «особенности сенсорных механизмов и их взаимодействие с психикой позволяют человеку сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое... Попадая в оборот повседневной речи, метафора быстро стирается и на общих основаниях входит в словарный состав языка» [2, с. 374].

Семантическая функция категории состояния *видно* в подобных контекстах, распространенных в книжной речи, заключается в том, чтобы обозначить говорящего как субъекта сознания [13, с. 262]; отметим, что физическое положение говорящего в этом случае не имеет значения.

Модальное слово *видно* стоит за пределами структуры предложения и не выполняет функцию члена предложения, используется в предложении как вводное слово и служит средством выражения субъективной модальности. Как известно, модальные слова являются эгоцентрическими элементами (В. В. Виноградов, Е. В. Падучева, Т. В. Шмелева). По данным НКРЯ, модальное слово *видно* активно используется в русской речи и служит косвенным лексическим маркером семантики сомнения, например: «*Но она мне, видно, не верила, стала настаивать, деньги совать*» (М. Корец. Премия за честность // Труд. 2006). В этом случае оно выражает «оценку достоверности информации» с точки зрения говорящего, наряду с модальными словами *вероятно, наверное, безусловно* и другими, которые выражают модус мнения [13, с. 313–315].

В художественном тексте, в отличие от канонической речевой ситуации, аналогом говорящего может выступать повествователь или персонаж. Во втором предложении следующего фрагмента субъект мнения не выражен, но подразумевается благодаря модальному слову *видно*, в данном случае это повествователь-рассказчик, тринадцатилетний подросток, от чьего лица ведется повествование: «*Юрин брат, вместо того чтобы поскорее умыться, еще моясь, начинал перекидываться всякими соображениями, что бесконечно растягивало мытье и прямо-таки выводило меня из себя. Видно, за целый рабочий день он успевал соскучиться по этим разговорам, потому что Юриному отцу они были ни к чему*» (Ф. Искандер. Мой кумир).

В следующем фрагменте, отражающем в целом речь повествователя, не входящего во внутренний мир художественного текста, модальное слово *видно* как эгоцентрический элемент «выдает» сознание персонажа, фельдшера Тумаши, который впервые ведет на расстрел человека — ничего не подозревающего паренька Костю: «*Было заметно в сумраке, как Костя забько передернул плечами, но пошел — сначала берегом, потом влез в хвойную чащу, так как берег тут кончился. Тумаши полез следом. Уже в совершенной темноте, пробираясь сквозь колючий сосняк, парень пару раз останавли-*

вался, *видно*, ожидая, что фельдшер ему что-то скажет, укажет, куда идти дальше. Но фельдшер молчал» (В. Быков. Болото). *Видно*, выражающее сомнение, может принадлежать только сознанию Тумаша, который мог лишь догадываться о мыслях Коли в этот напряженный момент. Автор, усилив субъективную модальность, на всем протяжении повести умело вводит эгоцентрические элементы (*наверно, может, пожалуй* и др.), которые создают второй слой художественного текста в виде так называемого свободного косвенного дискурса, где «персонаж вытесняет повествователя» [13, с. 206].

Итак, семантическая функция модального слова *видно*, имеющего значение сомнения, заключается в том, чтобы имплицитно обозначить говорящего как субъекта мнения. Полагаем, что модальное слово *видно* можно отнести к числу дискурсивных слов, которые, «с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [5, с. 7].

Таким образом, материалы НКРЯ показали, что омокомплекс *видно* представляет собой объединение слов, относящихся к разным частям речи; функционально-семантический анализ этих слов позволяет раскрыть коммуникативные возможности *видно*. Результаты анализа могут быть использованы в практике преподавания русского языка, поскольку «обучение морфологическим понятиям должно быть осмысленным, связанным не только с формальной, но и с содержательной стороной структуры языка» [16, с. 31].

Дальнейшее изучение функциональных омонимов *видно* может быть связано с контекстами устной разговорной речи, в частности, зафиксированной в хрестоматии «Русская разговорная речь Бурятии» [15]. Полагаем, что в повседневном общении это слово имеет функции, которые не отмечены при анализе письменных текстов, например, функцию коммуникатива, т. е. стереотипной реплики диалога.

Литература

1. Алексеева О. В. Путь «от текста к тексту» (функциональный подход при изучении грамматики) // Русский язык в школе. 2008. № 8. С. 15–18.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. 295 с.
4. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000. 640 с.
5. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. 205 с.
6. Богданова М. А. Форма, семантика и функции лексемы *хорошо*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 23 с.
7. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996. 219 с.
8. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. 601 с.
9. Емцева О. В. Слова *более* и *менее* в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.

10. Милованова М. С. Семантика противительности и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 50 с.
11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 27.05.2016).
12. Никитина О. В. Семантико-функциональные особенности слова «прямо» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2008. 22 с.
13. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996. 464 с.
14. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. — 2008. № 16(2). С. 7–20.
15. Русская разговорная речь Бурятии / сост. А. П. Майоров, И. Ж. Степанова. Улан-Удэ, 2016.
16. Харанутова Д. Ш. К проблеме формирования морфологических понятий в школьном изучении // Методологические основы преподавания филологических дисциплин: сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2015. С. 31–34.

SEMANTIC-FUNCTIONAL PROPERTIES OF THE LEXEME *ВИДНО* (The Russian National Corpus studies)

Liliya N. Omel'chenko

PhD in Philology, A/Professor, Department of Russian and General Linguistics,
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the problem of functional homonymy, which is considered from the standpoint of semantic-functional approach. We study homocomplex *видно*, which include an adjective, the category of state, and a modal word. These functional homonyms differ by categorial meaning, syntax function, syntagmatic properties and semantic functions. We argue that an adjective and the category of state define the speaker as a subject of sensory perception (an observer) and express the semantics of reliability; a modal word determines the speaker as a subject of consciousness and expresses the semantics of doubt. The analysis of functional homonyms allows us to draw attention to semantic and functional sides of linguistic units. The materials of Russian National Corpus give evidence of widespread use of the lexeme *видно* in Russian speech.

Keywords: functional homonyms, homocomplex, semantics of reliability, semantics of doubt, The Russian National Corpus.

References

1. Alekseeva O. V. Put' «ot teksta k tekstu» (funktsional'nyi podkhod pri izuchenii grammatiki) [The Way “from Text to Text” (functional approach in studying grammar)]. *Russkii yazyk v shkole — The Russian Language at School*. 2008. No. 8. Pp. 15–18.
2. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and Human World]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.
3. Akhmanova O. S. *Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii* [Essays on General and Russian Lexicography]. Moscow, 1957. 295 p.

4. Babaitseva V. V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Phenomena of Transition in Russian Grammar]. Moscow, 2000. 640 p.
5. Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A Guide to Discursive Words of the Russian Language]. Moscow, 1993. 205 p.
6. Bogdanova M. A. *Forma, semantika i funktsii leksemy khorosho. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Form, Semantics and Function of the Lexeme *xopouo*. Author's abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2014. 23 p.
7. Bondarko A. V. *Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii* [Problems of Grammatical Semantics and Russian Aspectology]. St Petersburg, 1996. 219 p.
8. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language. The Theory of Word Grammar]. Moscow, 1972. 601 p.
9. Emtseva O. V. *Slova bolee i menee v sovremennom russkom yazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Words *bolee* and *menee* in Modern Russian. Author's abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2010. 20 p.
10. Milovanova M. S. *Semantika protivitel'nosti i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Semantics of Adversativeness and the Means of Its Expression in Russian: Author's abstract of Dr philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 50 p.
11. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed May 27, 2016)
12. Nikitina O. V. *Semantiko-funktsional'nye osobennosti slova pryamo v sovremennom russkom yazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic and Functional Features of the Word *прямо* in Modern Russian. Author's abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Maikop, 2008. 22 p.
13. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Research in Semantics (Semantics of time and type in the Russian language; Narrative semantics)]. Moscow, 1996. 464 p.
14. Plungyan V. A. *Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoi korpusnoi lingvistiki* [Corpus as a Tool and as an Ideology: About Some Lessons of Modern Corpus Linguistics]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian Language in a Scientific Light*. 2008. No. 16 (2). Pp. 7–20.
15. *Russkaya razgovornaya rech' Buryatii* [Spoken Russian in Buryatia]. Ulan-Ude, 2016.
16. Kharanutova D. Sh. *K probleme formirovaniya morfologicheskikh ponyatii v shkol'nom izuchenii* [The Problem of Formation Morphological Concepts in School Studying]. *Metodologicheskie osnovy prepodavaniya filologicheskikh distsiplin — Methodological Bases of Teaching Philological Disciplines*. Ulan-Ude, 2015. Pp. 31–34.